

ВЕРНОСТЬ ТРУДНОМУ ЖАНРУ

В одном из своих первых басенных сборников Николай Фотьев поместил «Элегию сатирика», в которой, размышляя о причинах слабейшего интереса среди своих собратьев по перу к жанру басни, высказал полудогадку-полуупрек:

Иль вправду вывелись пороки,
Иль потерял сатирик нюх.

Строчкам этим без малого двадцать лет. Что и говорить — значительный отрезок стремительного времени, в котором жизнь менялась буквально на глазах. За примерами экономического и научного прогресса не надо далеко ходить. Но есть еще одна область развития общества, привлекающая неизменно писательское внимание. Речь идет об эволюции нравственности нашего современника.

Да, в течении жизни есть чистейшие родниковые струи и магистральные стремнины. Но в ее потоке продолжают таиться подводные камни. Случаются и заводи, подернутые болотной ряской.

А если говорить без аллегорий, то пища для сатириков, к сожалению, еще не перевелась. И подтверждение тому — новая книга басен Н. Фотьева «Жертва случая»¹. В нее вошли произведения, написанные в последние годы, а также некоторые из опубликованных прежде. Говорить о том, что они выдержали проверку временем, не поворачивается язык. Да, художественная ценность их несомненна, но суть дела вовсе не в эстетической самоценности басен и стихов, а в явлении иного свойства: бытуют еще у нас недостатки и пороки, затронутые пером сатирика ранее. Только бытуют они, разумеется, в более замаскированном виде, изменяясь подчас по внешним признакам, но оставаясь прежними по своей сути. И закрывать на это глаза — значило бы потакать этим порокам и недостаткам, цепляющимся, подобно грязи, за ноги на нашем общем пути вперед.

К каким только приемам и уловкам не прибегают приспособленцы любого рода, чтобы спастись от разоблачения! Сколь деятельны бывают они в своей мнимой «активности», на деле оборачивающейся бессовестной ложью. Не последнее место в их арсенале занимает громкая демагогия, рассчитанная на то, чтобы сбить с толку иных легковых и доброхотов. Тех самых, о которых так метко пишет автор в миниатюре «Грязь»:

Был лозунг дан: «В делах, в быту
Блюсти всемерно чистоту!»

— За чистоту-у-у! — вскричала

Грязь...

И тем от гибели спаслась.

Н. Фотьев стремится не просто указать на порок, высветить его сатирическим лучом, но и вскрыть причины негативных яв-

лений. Конечно, добиться такого результата в миниатюрах из двух-четырех строк нелегко. Чаще всего автор лишь намечает некие «подходы» к темам, но делает он это настолько ярко и убедительно, что перед нами встает целая галерея образов, при виде которых так и тянет воскликнуть: «Ба! Знакомые все лица...»

В общем сатирическом ряду стоит и активист из одноименной басни, рвущийся произнести речь с постоянной оглядкой на президиум собрания. Куда как знакомы нам такие записные «ораторы», толкующие на собраниях воду в ступе, лишь бы непременно быть на виду. Та же тема развивается в «Жгучем вопросе» и «Законной тревоге», герои которых, сойдя с трибуны, на вопрос: «О чем шумел?» — не могут ответить без... бумажки. Не перевелись, увы, подобные «гиганты мысли» и в наши дни! Сталкиваемся мы с ними ежедневно, порой даже возмущаемся их поведением, негодуем на косность, в основе которой лежат или своекорыстие, или непомерно раздутое честолюбие. А много ли делаем сами для того, чтобы общими усилиями выкорчевывать эти «пни посреди дороги»?

Автор вызывает к совести читателя. И если средства, выбранные им, не каждому по вкусу, так на то ведь она и сатира. Именно о ней сатирик — Еж из басни «Объяснение» говорит встречному Волкодаву:

Она, конечно, не хвалебна,
Зато целебна...

Многом знакома ситуация, воссозданная в «Емелиной колыбельной». Не в меру любвеобильные родители до того заняты, какали с пеленок свое чадо, что оно, выросши, так и не приучилось «марать работой ручки». Знай себе «поет-блажит: «Р-работа не медведь и в лес не убежит!..»

Каждый ли из нас, положив руку на сердце, может сказать, что в его семье не случилось ничего, даже отдаленно напоминающего такую ситуацию? Н. Фотьев колеблет под ногами читателя удобную позицию стороннего наблюдателя, отгорающегося даже мыслью о том, что речь-то идет именно о нем, а не о ком-то постороннем. И тем самым возвращает читателя к мысли о том, что все в этом мире зависит в первую очередь от нас самих.

Жанру басни известный дальневосточный писатель Николай Фотьев верен на протяжении уже почти тридцати лет. Однако в последние годы он по преимуществу пишет прозу, выпустил не одну книгу повестей и рассказов. А басня все-таки жанр поэтический. Не нанес ли автор подобным совмещением (или даже «раздвоением») ущерба своему таланту?

Мне кажется — нет! Более того, басенная часть его творчества приобрела особую основательность размышлений и глубину, свойственную подходу к делу именно для прозаика. И при этом не утрачена острота взгляда прежнего Фотьева-баснописца. Его новым басням присущи истинная социальность и гражданская требовательность, которыми он отличался уже в самом начале своего литературного пути. Думаю, читатель с удовлетворением от-

¹ Н. Фотьев. Жертва случая. Басни, сатирические стихи, миниатюры. Благовещенск: Амурек, отд-ние Хабаровск. кн. изд-ва, 1984.

метит и возросшее мастерство Н. Фотьева, его умение строить композицию басен. Лаконичные вступления подготавливают нас к восприятию дальнейшего изложения мысли, которая развивается динамично и увлекательно. Каждая строка таит в себе новый поворот действия, новые подробности в событиях и характерах, во взаимоотношениях героев. В немалой степени этому содействует комический диалог: в прямой речи дается та «изюминка», по которой мы безошибочно угадываем потаенные особенности персонажей.

Если раньше автор стремился буквально в каждой басне «вывести мораль», дать читателю собственное толкование темы, то теперь он все чаще оставляет это занятие читателю. Оказывается, в таком устоявшемся жанре, как басня, есть еще резервы выразительности. Надо только смелее ими пользоваться, исходя из понимания возросшей читательской культуры. В конце концов условность жанра вовсе не постоянна. Не случайно сам Н. Фотьев отказывается даже от аллегорических фигур, вводя в действие людей, как это случилось в баснях «Каждому свое», «Дорога», «Всеобщее послушание», «Пороть — не шить», «Святой Сысой» и некоторых других.

Разумеется, не все в книге равноценно с точки зрения художественного, поэтического качества. Но вовсе не потому, что иной дотошный читатель обнаружит «в рифмах недочет». Как раз культура стихосложения меньше всего может служить поводом для критических стрел. Зато, признаться, порой становится скучно читать в который раз о кочующих из басни в басню, словно у них там постоянная прописка, всех этих лыстцах и подхалимах в образах Лис, Гиен, Волков и Шакалов. Примелькались туповатые Бараны, недалекие Ослы и зазнайки Петухи. Слов нет, пороки, воплощенные в них, еще ох как живучи! Нынешние прототипы басенных героев научились камуфлироваться, до полного подобия положительного во всех отношениях человека. Искусство мимикрии достигло невиданных ранее высот. Ведь и в жизни не всегда и не каждому удается отличить негодяя от случайно споткнувшегося человека! Поиск новых средств художественной выразительности для показа таких персонажей — не в этом ли кроется резерв для дальнейшей работы в старинном жанре?

Вероятно, Н. Фотьев сам не рад затянувшейся «монополии» на басню. Насколько мне известно, на всем огромном пространстве Дальнего Востока, кроме него, никто больше не занимается серьезно этим хлопотливым и нелегким, а порой, чего греха таить, и опасным ремеслом. А жалуй! Без здоровой творческой конкуренции легко сорваться на невольные повторы и перепевы. Хотя бы даже таких выигрышных тем, как в басне «Великий свист». Коротко ее суть заключается в том, что некий Машинист (под коим подразумевается иной не в меру легкий на громогласные обещания человек), войдя в раж, выпустил на гудки и свистки весь пар и не смог стронуть паровоз с места. Только людей

насмешил да дело погубил... Все бы ничего, кабы не одно обстоятельство. Невольно вспоминается первоисточник этого художественного образа — популярная кинокомедия «Волга-Волга», огромный гудок на трубе готовящегося отплыть парохода. И ту комическую ситуацию мы вспомним, в которую попал незадачливый директор местной фабрики, собравшийся на смотр художественной самодеятельности в Москву... Трудно поверить, что в данном случае мы стали свидетелями «изобретения велосипеда» просто по незнанию автором первоисточника. Жаль только, что этого не заметили вместе с ним и рецензент, и редактор книги.

Вызывает недоумение и отсутствие в книге такого незаметного на первый взгляд раздела, как «Содержание». Опубликовано сто восемнадцать басен и стихов. Подобная «экономия» отнюдь не обрадует желающих отыскать интересующее их произведение перспективой листать книжку от корки до корки.

И уж вовсе досаден «камерный» тираж в три тысячи экземпляров, если вспомнить, что первые сборники басен Н. Фотьева вышли 25-тысячными тиражами. И что характерно, ни на прилавках не залеживались, ни у букинистов не пылились. Работали басни!

Уверен, новая книжка быстро найдет своего читателя. А значит, у автора появятся новые соратники и единомышленники в его непрекращающейся борьбе за чистоту нравственных идеалов нашего общества.

И. ИГНАТЕНКО.

НА УЛИЦЕ ПЛАКАЛ РЕБЕНОК...

Первая книга молодого автора — всегда ожидание открытия. Открытия личности, собеседника, который живет с нами в одном мире и одном времени, именно сегодня ищет ответы на «вечные вопросы» в чем смысл жизни, что такое счастье, как найти его? Но как часто с досадой откладываем мы в сторону книгу молодого литератора, не дотянув до последней страницы: курьезные случаи, бытовые истории, добросовестное описание производственных процессов... Нам нужно не это, а работа ума и сердца автора, «приключения духа»!

Кроме того, первые книги молодых писателей часто стилистически и психологически «единообразны». Один тип героя под разными именами, одно освоенное место действия (тайга, море, маленький поселок или большой город). Автор «отрабатывает» свой личный опыт, ограниченный какой-то одной сферой жизни, легко отождествляется с героями.

В рассказе Елены Грушко¹ все не так.

¹ Е. Грушко. Последний снег апреля. Хабаровск: Кн. изд., 1984.